

Научная статья

УДК 343.8

EDN TGYNGQ

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).268-276

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ, КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ РИСКОВ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Н.В. Ольховик, А.Л. Агабекян, И.И. Корнаков

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 мая 2026 г.

Дата принятия к публикации

23 июня 2026 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2026 г.

Ключевые слова

Пробация; рецидив; криминологическая характеристика осужденных; исполнительная пробация; наказание без изоляции от общества; оценка рисков

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043>

Аннотация. Новеллы отечественного права позволяют говорить о формировании новой области в криминологии — пробационной криминологии. Потенциальная эффективность probation связана с результатами выявления личностных особенностей осужденных, находящихся на исполнительной пробации. Анализ рассматриваемой категории лиц позволяет прийти к выводу о том, что по основным криминологически значимым параметрам их личность не характеризуется особыми отличиями от «среднестатистического портрета» личности современного российского преступника. Посредством анализа данных, собранных из 193 личных дел осужденных, находящихся на исполнительной пробации, проведено исследование криминологических характеристик шести категорий «пробантов»: условно осужденных, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, осужденных к обязательным работам, исправительным работам и ограничению свободы. Анализ этих категорий «пробантов» выявил разные уровни их общественной опасности и социальной дезадаптации, наиболее высокий из которых характерен для условно-досрочно освобожденных. Гораздо менее общественно опасны условно осужденные. Среди исследуемых показателей пол, возраст, семейное положение, наличие и количество детей, уровень образования, место работы, предшествующее осуждению, а также наличие более ранней судимости и преступление, за которое лицо было осуждено. Отдельное внимание обращалось на те меры, которые были реализованы в рамках исполнительной пробации. Наиболее значимыми для рецидива показателями «пробантами» названы семейное положение, безработица, уровень образования, которые реализуются только в комплексе. Важным фактором признавалось и наличие у лица желания к изменению жизни. Несмотря на достаточно малый сравнительный объем данных, был сделан вывод, что «пробанты» реже совершают новое преступление, чем осужденные в целом. Совершенствование же probation не может быть реализовано без объединения социальных, медицинских и психологических механизмов воздействия, учета особенностей личности осужденного и индивидуально-сопровождения осужденных, находящихся на probation.

Для цитирования. Ольховик Н.В. Особенности личности различных категорий осужденных, находящихся на исполнительной пробации, как основа оценки рисков рецидивной преступности / Н.В. Ольховик, А.Л. Агабекян, И.И. Корнаков. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).268-276. — EDN TGYNGQ // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 3. — С. 268–276.

Original article

PERSONAL CHARACTERISTICS OF DIFFERENT CATEGORIES OF CONVICTS ON EXECUTIVE PROBATION AS A BASIS FOR ASSESSING THE RISKS OF REPEAT OFFENCES

Nikolay V. Olkhovik, Alla L. Agabekyan, Ivan I. Kornakov

Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

Article info

Received

2026 May 3

Abstract. The novels of Russian law make it possible to discuss the development of a new area of criminology — probational criminology. The potential effectiveness of probation is connected with the results of identifying personal features of convicts on executive probation. The analysis of this category of persons allows

Accepted

2026 June 23

Available online

2026 June 29

Keywords

Probation; repeat offence; criminological characteristics of convicts; executive probation; punishments without isolation from society; risk assessment

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No 24-78-10043, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10043>

the authors to conclude that, based on the key criminologically relevant parameters, their personalities do not have any significant differences compared to an “average” personality of a modern Russian criminal. The authors use data from 193 personal cases of convicts on executive probation to study the criminological features of six categories of probationers: those with conditional sentences, parolees, those with a postponement of punishment, those sentenced to obligatory work, corrective work, and the limitation of liberty. The analysis of these categories of probationers demonstrated that they differ in their levels of public danger and social dis-adaptation, the highest of which is typical for parolees. Convicts with conditional sentences are much less dangerous. The examined indices included gender, age, marital status, number of children, educational level, employment prior to conviction, previous offence and the type of this offence. Special attention was paid to the measures carried out as part of executive probation. The features that the probationers mention as most relevant for repeat offences are marital status, unemployment, level of education, which only act as a complex. A desire to change their life was recognized as an important factor. In spite of a relatively small volume of data, the authors concluded that probationers are less likely to commit repeat offences than convicts in general. Probation cannot be improved without the unification of social, medical and psychological mechanisms of impact, attention to the personality features of convicts, and individual support for convicts on probation.

For citation. Olkhovik N.V., Agabekyan A.L., Kornakov I.I. Personal Characteristics of Different Categories of Convicts on Executive Probation as a Basis for Assessing the Risks of Repeat Offences. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 3, pp. 268–276. (In Russian). EDN: TGNGQ. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(3).268-276.

В отечественной криминологической науке сформированы предпосылки выделения отдельной отрасли — пробационной криминологии [1, с. 78–79]. Ее основоположником стал В.А. Уткин, который обосновал самостоятельность предмета и метода данной отрасли, обращая внимание на необходимость криминологического учета личности «пробанта»¹ [2] при выборе совокупности пробационных мер, направленных на снижение уровня рецидивной преступности. Учитывая, что законодательство о пробации появилось в России недавно в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, можно с уверенностью констатировать, что современный институт пробации становится уникальным в решении вопроса успешной комплексной реинтеграции осужденных в общество. Эффективность пробационных мер напрямую связана не только с детерминантами преступности, но и с личностью лица, совершившего преступление, изъявившего желание стать «пробантом». Полагаем, что криминологическая характеристика данной категории граждан имеет ту же структуру, что и характеристика иных осужденных, не являющихся «клиентом» пробации. Здесь стоит подчеркнуть, что в научной среде нет единства относительно количества элементов такой

структуры и их содержания. Так, Ю.М. Антонян [3] выделял семь подструктур, Е.Б. Кургузкина [4, с. 30] — шесть элементов, в том числе нейродинамические свойства, психодинамический уровень, Л.М. Прозументов [5, с. 96] — три блока: социально-типологическая характеристика личности, социально-ролевая и нравственно-психологическая. Несмотря на то что Л.М. Прозументов отрицал целесообразность включения уголовно-правового блока, нами в данной работе он все же будет исследован, поскольку тесно связан с оценкой рисков совершения повторного преступления. Не претендуя на формирование универсальных элементов структуры личности «пробанта», в рамках проведенного по проекту Российского научного фонда № 24-78-10043 исследования личных дел осужденных, находящихся на исполнительной пробации, мы сформулировали некоторые выводы на основе анализа социально-демографического, социально-ролевого и уголовно-правового блоков.

Анализ отмеченных признаков позволит выявить основные характеристики «клиентов» исполнительной пробации, определить проблемные аспекты, влияющие на снижение эффективности отбывания наказания и иных уголовно-правовых мер, сформировать научно обоснованные критерии оценки рисков рецидива лиц, согласившихся на применение к ним пробационных мер.

¹ Термин введен В.А. Уткиным.

Круг лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация, четко определен в ст. 11 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ и включает в себя шесть категорий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Согласно исследованию, проведенному И.С. Дроздовым, криминологический рецидив осужденных без лишения свободы составляет 28,6 %, что превышает показатели советского периода, при этом наибольшую криминальную активность проявляют именно условно осужденные [6, с. 8–9]. Несмотря на то что практика применения исполнительной пробации невелика, все же собранные нами на основе анкетирования 2030 осужденных и анализа 193 личных дел сведения позволяют утверждать, что осужденные, которые стали «пробантами», совершают повторные преступления реже, чем те, кто отказался от применения мер исполнительной пробации.

Криминологическая характеристика условно осужденных, находящихся на исполнительной пробации. Среди осужденных, находящихся на исполнительной пробации, условно осужденные составляют наиболее многочисленную группу. В 70 % случаев это мужчины в возрасте от 26 до 45 лет. Образовательный уровень нельзя признать критически низким: 33 % имеют среднее профессиональное образование, 29 % — основное общее, 16 % — среднее полное. Несмотря на это, 45 % из них не имеют постоянной занятости, а каждый пятый ограничивается временными заработками. Данный факт формирует один из ключевых парадоксов пробации: наличие формальных образовательных характеристик не приводит к снижению криминогенности. Это позволяет утверждать, что образование в рассматриваемом контексте не выполняет функцию социального лифта, а выступает лишь формальным показателем, не интегрированным в реальные экономические и социальные практики.

Семейное положение также отражает слабость механизмов социальной интеграции: только 18 % состоят в браке, около 60 % не имеют семьи, а каждый третий не проживает в семейной среде. В данном случае отсутствие устойчивых социальных связей следует рассматривать не просто как сопутствующее обстоятельство, а как фактор, устраняющий неформальные механизмы социального контроля и способствующий закреплению девиантных моделей поведения.

82 % условно осужденных проживают в городах. При этом абсолютное большинство из

них проживает в квартирах, находящихся в собственности самих осужденных либо их родственников. Только 11 % условно осужденных проживают в съемных квартирах. 1 % условно осужденных отнесли себя к числу лиц без определенного места жительства. 10 % осужденных вообще не указали условия проживания.

Значительная часть условно осужденных, находящихся на исполнительной пробации, утратили социально полезные связи, систематически употребляют алкоголь, ведут асоциальный образ жизни, склонны к бродяжничеству, являются носителями социально значимых заболеваний (туберкулез, ВИЧ, гепатиты).

Полученные данные свидетельствуют о том, что условно осужденные, в отношении которых осуществляется исполнительная пробация, представляют собой достаточно сложную для исправления категорию лиц. Это подтверждает и опрос сотрудников отделов пробации, которые указывают на «отсутствие у осужденных желания улучшить условия жизни», «низкие морально-волевые качества осужденного», «озлобленность осужденных», отмечают, что «осужденные не хотят работать, не являются в службу занятости населения без уважительных причин либо отказываются от индивидуальной программы», «иногда осужденного нужно просто за руку вести».

38 % условно осужденных — «клиентов» исполнительной пробации осуждено за преступления против собственности, каждый четвертый — за кражи, каждый десятый — за мошенничество, 3 % — за грабежи, 2 % — за присвоение и растрату. 23 % получили приговор об условном осуждении за совершение преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 228, 228.1, 228.4, 231 УК РФ). Каждый десятый условно осужденный — «пробант» совершил преступление против жизни и здоровья: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, убийство, умышленное причинение легкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью и причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. К 9 % применено условное осуждение за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. 8 % совершили преступления в сфере экономической

деятельности: злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (3 %); незаконное использование документов для образования (создание, реорганизация) юридического лица (1 %); незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (0,5 %); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (0,5 %); воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (0,5 %); производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (0,5 %); незаконная организация и проведение азартных игр; незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства (0,5 %); незаконная банковская деятельность (0,5 %); незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (0,5 %); неправомерный оборот средств платежей (0,5 %).

5,0 % осуждены условно за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 264, 264.1); 3,5 % — за преступления против порядка управления: за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (2 %), применение насилия в отношении представителя власти (0,5 %), незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации (0,5 %), похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок или знаков соответствия (0,5 %).

Криминологическая характеристика условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания. 45 % условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, проходящих исполнительную пробацию, представлено лицами от 36 до 55 лет, каждый четвертый — в возрасте от 31 до 35 лет, 15 % — от 26 до 30 лет. По 5 % относятся к возрастным группам от 20 до 25 лет и старше 56 лет.

20 % условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы «пробантов» имеют социально значимые заболевания (туберкулез, ВИЧ, гепатиты), около 5 % страдают алкоголизмом и наркоманией.

Две трети условно-досрочно освобожденных не состоят в браке, либо их брак распался

после совершения преступления или в период отбывания лишения свободы. Как правило, такие осужденные не поддерживают связи с прежней семьей. Как показало исследование, только одна треть рассматриваемой категории условно-досрочно освобожденных женаты либо состоят в фактических брачных отношениях.

С точки зрения образовательного уровня 42 % условно-досрочно освобожденных имеют среднее профессиональное образование, каждый пятый — среднее общее образование, 16 % — основное общее образование, 14 % — высшее. Начальное общее образование имеют всего 8 % осужденных. Таким образом, 56 % условно-досрочно освобожденных имеют определенную специальность.

Практически все обследованные условно-досрочно освобожденные трудились в местах лишения свободы и удовлетворительно характеризовались на производстве, а также начальником отряда.

Более половины условно-досрочно освобожденных имеют две и более судимости. 70 % условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы были осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления. 42 % были осуждены к лишению свободы за преступления против здоровья населения и общественной нравственности, 41 % — за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Каждый четвертый осужден за преступления против жизни и здоровья: за убийство (13 %), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (10 %), угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (0,5 %). 20 % были осуждены к реальному лишению свободы за преступления против собственности: кражи (8 %), разбой (4 %), грабеж (2 %), мошенничество (2 %), вымогательство (1 %). Около 4 % осуждены за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств либо за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. За преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления было осуждено 2,4 % условно-

досрочно освобожденных от отбывания наказания «пробантов». При этом 2 % — за взяточничество (ст. 290 УК РФ).

На осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, общественной безопасности и общественного порядка, порядка управления приходится по 1 %.

Осужденные за преступления против свободы, чести и достоинства личности, преступления против правосудия составляют, взятые по отдельности, не более 0,5 % от всех обследованных условно-досрочно освобожденных.

Криминологическая характеристика осужденных с отсрочкой отбывания наказания. Исследование осужденных с отсрочкой отбывания наказания, находящихся на исполнительной пробации, проведенное по проекту Российского научного фонда № 24-78-10043, показывает, что по половому признаку подавляющее большинство из них (70 %) — это лица женского пола.

По возрасту женщины с отсрочкой отбывания наказания, находящиеся на исполнительной пробации, не отличаются от общего массива осужденных с отсрочкой отбывания наказания (ст. 82 УК РФ): 67 % в возрасте от 26 до 35 лет, 33 % — от 36 до 45 лет [7; 8 с. 76].

Однако среди осужденных женщин с отсрочкой отбывания наказания, проходящих исполнительную пробацию, по сравнению с общим массивом осужденных с отсрочкой отбывания наказания, оказалось больше женщин, которые к моменту совершения нового преступления были замужем (66 % против 30,4 %) [8, с. 83]. 74,3 % женщин, находящихся на исполнительной пробации, имели одного ребенка.

67 % женщин с отсрочкой отбывания наказания, находящихся на исполнительной пробации, имеют среднее общее образование; 33 % — среднее профессиональное, которое в большинстве случаев женщины получали в местах лишения свободы.

На момент предоставления отсрочки отбывания наказания 81 % женщин-«пробантов» нигде не работали и не учились. 46 % работавших женщин положительно характеризовались на производстве, 16 % имели отрицательную характеристику. Что касается бытовой характеристики, то 13 % женщин, находящихся на исполнительной пробации, положительно характеризовались в быту.

67 % женщин, находящихся на исполнительной пробации, осуждены за преступления, предусмотренные ст. 228 и 228.1 УК РФ, 33 % — за кражи, по 6 % — за умышленное причине-

ние тяжкого вреда здоровью, мошенничество, 3 % — за грабеж.

Таким образом, результаты проведенного исследования демонстрируют, что указанные категории осужденных не представляют собой однородную массу, а, напротив, формируют качественно различные типы личности с разной степенью криминогенности. При этом объединяющим элементом для всех групп является наличие выраженных признаков социальной дезадаптации, однако глубина и характер этой дезадаптации существенно различаются.

При формальном различии криминологической характеристики условно осужденных, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания и осужденных с отсрочкой отбывания наказания перечисленные группы «пробантов» попадают в группу риска. При этом условно осужденные «пробанты» характеризуются социальной дезадаптацией при относительно невысокой степени общественной опасности; условно-досрочно освобожденные — устойчивой криминальной ориентацией и высоким уровнем общественной опасности; женщины с отсрочкой отбывания наказания — сочетанием формальной социальной включенности и скрытой криминогенности, связанной прежде всего с наркотической преступностью. Сравнение с данными прошлых лет [9] показывает, что основные параметры криминологической характеристики рассмотренных категорий осужденных остаются практически неизменными, что свидетельствует о системном характере проблемы предупреждения их рецидивной преступности и ограниченной эффективности применяемых к ним мер воздействия.

Криминологическая характеристика «пробантов», отбывающих ограничение свободы. Как отмечает З.Р. Рахматулин, условно осужденные и те, кто отбывает ограничение свободы, характеризуются схожими социально-демографическими признаками [10, с. 10]. Однако за последние пять лет удельный вес осужденных, отбывающих ограничение свободы, хоть и вырос с 3,6 до 4,7 %², но все еще кратно уступает аналогичному показателю условно осужденных. При этом криминологический рецидив последних выше после отбывания, но незначительно

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 09.04.2026).

(38,0 % против 25,6 %). Тем не менее среди изученных нами личных дел удельный вес «пробантов», отбывающих ограничение свободы, составляет 11 %. Этот показатель идет вторым после условного осуждения среди всех «клиентов» исполнительной пробации. Половозрастные показатели таких лиц характеризуются следующими особенностями: 81 % — мужчины, 19 % — женщины; средний возраст — 36 лет. Чаще всего они совершают преступления против здоровья населения и общественной нравственности, против собственности, против жизни и здоровья, против порядка управления. К числу наиболее распространенных деяний, совершаемых ими, относятся, как правило, преступления небольшой тяжести (47,6 %), а также деяния, предусмотренные ст. 111, 158, 159, 228.1, 327 УК РФ. Отметим, что в совокупность проанализированных дел включены также и те, в которых наказание в виде лишения свободы было заменено более мягким видом (52,4 %), что само по себе уже свидетельствует о более «лояльной» категории осужденных, которая в наибольшей степени готова к ресоциализации и адаптации.

Уровень образования осужденных к ограничению свободы, в отношении которых реализуется исполнительная пробация, отличается более высокими значениями в сравнении с иными категориями «клиентов»: 14 % имеют высшее образование, 33 % — среднее профессиональное, 10 % — среднее полное. Вместе с тем большая часть из них не трудоустроена — 57 %, что становится препятствием, например, для создания семьи. Учитывая, что показатель численности лиц, не состоящих в официальных и фактических брачных отношениях, достиг значения 67 %, на их иждивении, как правило, не содержатся несовершеннолетние дети (43 %). Проживают такие «пробанты» в 90 % случаев в собственном или арендованном жилом помещении в пределах городской (67 %) или сельской (33 %) местности.

Процесс реинтеграции таких осужденных связан чаще всего с решением проблем получения психологической помощи — в 48 % случаев. Около 29 % осужденных испытывают трудности с получением документов, 24 % — с получением консультации по социальным и правовым вопросам.

Криминологическая характеристика «пробантов», отбывающих обязательные работы. В зарубежных странах данный вид наказания является самым популярным и именуется иначе — общественные работы. Данная альтернатива лишению свободы получила наибольшее

распространение в европейских странах [11], например в Нидерландах, Швейцарии, Бельгии, Дании [12, р. 584–587], Германии [13]. Между тем испанские ученые отмечают, что наименование этого наказания в их стране отличается, более того, различаются как порядок исполнения мер, при которых лицу необходимо выполнять бесплатные работы, так и органы, контролирующие их реализацию [14, р. 192–194]. На Ближнем Востоке эта мера также заняла особое место в системе наказаний, например в Иордании. Ученые J. Hammouri, M. Amoush, M. Araidah, Al-R. Mohammad, B. Tubishat, A. Almahasneh подчеркивают важность выполнения неоплачиваемых работ в пользу общества в государственном секторе от 40 до 100 часов [15, р. 855–856]. Они также обращают внимание на необходимость совершенствования досудебных докладов сотрудниками пробации для того, чтобы повысить эффективность применения данной меры. В результате сравнительного анализа особенностей регулирования порядка применения общественных работ в законодательстве Иордании и штата Калифорния исследователи из Малайзии H. Almomani, R. Rajamanikam, M.H. Md Said пришли к выводу о низкой эффективности применения данной меры в Иордании, а также о существующих следующих проблемах: отсутствии четкого механизма контроля за отбыванием; трудностях с получением согласия на отбывание; наличии пробелов в законодательстве [16, р. 1774–1775].

В ряде других стран, например в Саудовской Аравии, Индонезии, законодательство не содержит этого вида наказания. Индонезийские ученые A. Asis, B. Yakin, M. Arhabi, M. Arifin, анализируя численность «тюремного населения», которая достигла значения 266 828 осужденных при вместимости 135 561, приходят к выводу о необходимости активного внедрения общественных работ и законодательного их регулирования [17, р. 632, 651].

В исследовании С.В. Чубракова отмечается, что истоки обязательных работ в России прослеживаются еще в дореволюционной эпохе [18, с. 8]. Однако в современной России данный вид наказания стал применяться лишь с 2005 г. Тем не менее за последние пять лет удельный вес осужденных, отбывающих обязательные работы, снизился с 17,7 % в 2020 г. до 13,0 % в 2024 г. Проанализировав личные дела 7 % «пробантов», отбывающих обязательные работы, мы сформировали следующую криминологическую характеристику личности таких лиц: 78,6 % — мужчи-

ны, 21,4 % — женщины; средний возраст — 35 лет. Чаще всего они привлекались к уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести (85,7 %) против собственности (42,9 %) и в сфере экономической деятельности (28,6), а также против безопасности движения и эксплуатации транспорта (14,3 %), а именно за деяния, предусмотренные ст. 158, 177, 264.1 УК РФ. Проживают такие лица преимущественно в городской местности (85,7 %) в собственном или наемном жилом помещении. Их образовательный уровень обычно высокий: 21,4 % имеют высшее образование, 21,4 % — среднее профессиональное, 35,7 % — среднее полное, 21,4 % — основное общее. Трудоустроены по трудовому договору 14,3 % лиц, осуществляют неофициальную трудовую деятельность 28,6 %, а нигде не работают 57,1 % «пробантов». Неудивительно, что около трети осужденных указывают на нуждаемость в предоставлении им помощи с поиском места официальной работы. Большая часть «клиентов» пробации холосты и не имеют на иждивении несовершеннолетних детей. Многим из них требуется консультация по различным социальным и правовым вопросам (21,4 %), помощь с оформлением документов (42,9 %).

Криминологическая характеристика «пробантов», отбывающих исправительные работы. За последние пять лет удельный вес осужденных, отбывающих исправительные работы, вырос с 7,8 % в 2020 г. до 9,0 % в 2024 г. Однако в связи с изменениями, вступившими в силу в 2026 г., численность осужденных может значительно сократиться, поскольку назначение данного вида наказания стало возможно только тем лицам, у которых имеется основное место работы. Полагаем, что с учетом этого актуализируется проблема низкой эффективности применения наказания к несовершеннолетним, отмеченная более 20 лет назад еще С.М. Фроловой [19, с. 3, 7–8]. Из 9 % таких «пробантов» 64,7 % — мужчины, 35,5 % — женщины, т.е. численность женщин здесь существенна в сравнении с другими категориями «клиентов» пробации и уступает лишь такой мере, как отсрочка наказания. При этом средний возраст составляет 41,7 лет — это самый высокий показатель среди всех лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация. Чаще всего ими совершается преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ (70,6 %), реже — ст. 158, 173.2, 228.1, 314.1, 325 УК РФ. Ранее, как отмечает А.Н. Смирнов, данное наказание назначалось за деяния, посягающие на

здоровье граждан (за умышленное причинение вреда здоровью разной степени тяжести), однако после 2003 г. исправительные работы стали все же инструментом обеспечения исполнения алиментных платежей [20, с. 9–10]. Такие граждане в подавляющем большинстве случаев проживают либо в наемном жилье, либо в собственном в городской (76,5 %) или сельской (23,5 %) местности. Около 35,3 % лиц имеют основное общее образование, 11,8 % — среднее полное, 47,1 % — среднее профессиональное. Около 60 % не состоят в брачных отношениях, но, учитывая составы преступлений, за которые чаще назначается данное наказание, у абсолютного большинства лиц имеются на иждивении несовершеннолетние дети. Нуждаемость этих «пробантов» связана чаще всего с получением образования или прохождением переподготовки, получением документов, психологической помощью, консультированием по различным вопросам.

Важным выводом является также то, что традиционные показатели социальной адаптации (наличие образования, семьи, трудового опыта) не гарантируют снижения криминогенного риска. Их влияние носит опосредованный характер и реализуется только при наличии устойчивых социальных связей и мотивации к законопослушному поведению. В противном случае данные факторы утрачивают профилактическое значение.

Таким образом, ключевым фактором рецидивной преступности выступает не отдельное социальное или демографическое обстоятельство, а их совокупность, формирующая устойчивую криминогенную среду. При этом особую роль играет субъективный компонент — отсутствие мотивации к изменению образа жизни, что подтверждается оценками сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, указывающих на нежелание осужденных работать, участвовать в программах и изменять свое поведение.

Полученные результаты позволяют сформулировать обобщенный вывод: существующая модель пробации, ориентированная на универсальные меры воздействия, не учитывает глубину и характер криминализации различных категорий осужденных, что приводит к снижению эффективности предупреждения рецидива. Требуется переход к дифференцированному подходу, основанному на типологии личности осужденного и уровне криминогенного риска. В рамках такого подхода целесообразно выделять как минимум три группы лиц: лица с преимущественно социальной дезадаптацией,

лица с устойчивой криминальной ориентацией и лица с формальной социальной интеграцией при наличии скрытых криминогенных факторов. Для каждой из этих групп лиц необходимы различные меры воздействия, включая социальную поддержку, контроль и специализированные программы коррекции поведения.

Итогом проведенного анализа является вывод о том, что проблема рецидивной преступности в системе пробации носит комплексный характер и не может быть решена исключительно средствами контроля. Необходима интеграция социальных, медицинских и психологических механизмов

воздействия, учет индивидуальных особенностей личности осужденного. Все это возможно только при наличии индивидуального сопровождения осужденных, находящихся на пробации, и повлечет снижение уровня рецидивной преступности и повышение эффективности пробационной деятельности. Отмеченное выше подтверждает необходимость комплексного анализа новых направлений исследований, в том числе в рамках пробационной криминологии, а также учета выдвигаемых учеными инновационных предложений по формированию цифровых отраслей права, в том числе и уголовного [21, с. 97].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уткин В.А. Пробация и пробационная криминология / В.А. Уткин. — DOI 10.17223/22253513/56/6. — EDN IGKUCC // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2025. — № 56. — С. 73–82.
2. Уткин В.А. Предмет уголовно-исполнительного права и правовой статус «пробанта» / В.А. Уткин. — EDN BWEQGH // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. — 2025. — № 4 (26). — С. 119–128.
3. Личность преступника и профилактика преступлений / ред. Ю.М. Антонян. — Москва : Проспект, 2017. — 224 с. — EDN TTFBQN.
4. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.Б. Кургузкина. — Москва, 2003. — 59 с.
5. Прокументов Л.М. Криминология. Общая часть : учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. — Томск : ДиВо, 2007. — 230 с. — EDN XUUZLF.
6. Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. ... юрид. наук : 12.00.08 / И.С. Дроздов. — Томск, 2020. — 27 с.
7. Гаджирамазанова П.К. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / П.К. Гаджирамазанова. — Махачкала, 2002. — 163 с.
8. Кацуба С.А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Кацуба. — Рязань, 2003. — 178 с.
9. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение / Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. — 160 с. — EDN QRNUDP.
10. Рахматулин З.Р. Непенитенциарный режим ограничения свободы: эффективность и средства обеспечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / З.Р. Рахматулин. — Красноярск, 2018. — 30 с.
11. Агабекян А.Л. Непенитенциарные системы Европы : монография / А.Л. Агабекян ; под ред. В.А. Уткина. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 176 с. — EDN JFFYRH.
12. Aebi M.F. Have Community Sanctions and Measures Widened the Net of the European Criminal Justice Systems? / M.F. Aebi, N. Delgrande, Y. Marguet // *Punishment & Society*. — 2015. — No. 17 (5). — P. 575–597.
13. Агабекян А.Л. Пробация в Германии / А.Л. Агабекян, В.В. Тихонова. — DOI 10.17223/15617793/517/26. — EDN FABDQG // Вестник Томского государственного университета. — 2025. — № 517. — С. 233–240.
14. Blay Gil E. Community Punishments in Spain: A Tale of Two Administrations / E. Blay Gil, E. Larraur // *Community Punishment: European Perspectives* / eds. Gwen Robinson, Fergus McNeill. — Routledge, 2016. — P. 191–208.
15. Community Service as an Alternative to Custodial Sentences / J. Hammouri, M. Amoush, M. Araidah [et al.] // *Perinatal Journal*. — 2025. — No. 33 (1). — P. 854–861.
16. Almomani H. Community Service Provisions as an Alternative Punishment in Jordanian Legislation / H. Almomani, R. Rajamanikam, M.H. Md Said // *Journal of Posthumanism*. — 2025. — No. 5. — P. 1760–1777.
17. From Prison to Community: Reconstructing Community Service Sentencing as *Ius Constituendum* in the Reform of Indonesia's Criminal Procedure Code / A. Asis, B. Yakin, M. Arhabi, M. Arifin // *Journal of Judicial Review*. — 2025. — Vol. 27, no. 2. — P. 631–658.
18. Чубраков С.В. Уголовное наказание в виде обязательных работ (перспективные вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Чубраков. — Томск, 2004. — 13 с.
19. Фролова С.М. Эффективность исправительных работ как вида уголовного наказания, применяемого к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.М. Фролова. — Томск, 2013. — 19 с.
20. Смирнов А.Н. Уголовное наказание в виде исправительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Н. Смирнов. — Томск, 2007. — 25 с.
21. Репецкая А.Л. Цифровой уголовный кодекс как основа киберправосудия / А.Л. Репецкая. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(1).96-99. — EDN KSOQMS // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 1. — С. 96–99.

REFERENCES

1. Utkin V.A. Probation and Probation Criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2025, no. 56, pp. 73–82. (In Russian). EDN: IGKUCC. DOI: 10.17223/22253513/56/6.

2. Utkin V.A. The Subject of Penal Enforcement Law and the Legal Status of the “Probant”. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii = Bulletin the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees the Federal Penal Service of Russia*, 2025, no. 4, pp. 119–128. (In Russian). EDN: BWEQGH.
3. Antonyan Yu.M. (ed.). *Personality of a Criminal and Crime Prevention*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 224 p. EDN: TTFBQN.
4. Kurguzkina E.B. *The Theory of Personality of a Criminal and the Problems of Individual Crime Prevention*. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2003. 59 p.
5. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Criminology. The General Part*. Tomsk, DiVo Publ., 2007. 230 p. EDN: XUUZLF.
6. Drozdov I.S. *Repeat Offences after Sentences without Incarceration*. *Cand. Diss. Thesis*. Tomsk, 2020. 27 p.
7. Gadzhiramazanova P.K. *Postponement of Punishment for Pregnant Women and Mothers with Young Children*. *Cand. Diss. Thesis*. Makhachkala, 2002. 163 p.
8. Katsuba S.A. *The Institute of Postponement of Punishment for Pregnant Women and Mothers with Young Children (Criminal Law and Penitentiary Aspects)*. *Cand. Diss.* Ryazan', 2003. 178 p.
9. Olkhovik N.V., Prozumentov L.M. *Repeat Offences of Convicts and Their Prevention*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2009. 160 p. EDN: QRNUDP.
10. Rakhmatulin Z.R. *Non-Penitentiary Regime of Limitation of Liberty: Effectiveness and Means Ensuring*. *Cand. Diss.* Krasnoyarsk, 2018. 30 p.
11. Agabekyan A.L.; Utkin V.A. (ed.). *Non-Penitentiary Systems of Europe*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 176 p. EDN: JFFYRH.
12. Aebi M.F., Delgrande N., Marguet Y. Have Community Sanctions and Measures Widened the Net of the European Criminal Justice Systems? *Punishment & Society*, 2015, no. 17(5), pp. 575–597.
13. Agabekyan A.L., Tikhonova V.V. Probation in Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2025, no. 517, pp. 233–240. (In Russian). EDN: FABDQG. DOI: 10.17223/15617793/517/26.
14. Blay Gil E., Larraur E. Community Punishments in Spain: A Tale of Two Administrations. In Gwen Robinson, Fergus McNeill (eds). *Community Punishment: European Perspectives*. Routledge, 2016, pp. 191–208.
15. Hammouri J., Amoush M., Araidah M., Mohammad Al-R., Tubishat B., Almahasneh A. Community Service as an Alternative to Custodial Sentences. *Perinatal Journal*, 2025, no. 33(1), pp. 854–861.
16. Almomani H., Rajamanikam R., Md Said M.H. Community Service Provisions as an Alternative Punishment in Jordanian Legislation. *Journal of Posthumanism*, 2025, no. 5, pp. 1760–1777.
17. Asis A., Yakin B., Arhabi M., Arifin M. From Prison to Community: Reconstructing Community Service Sentencing as Ius Constituendum in the Reform of Indonesia’s Criminal Procedure Code. *Journal of Judicial Review*, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 631–658.
18. Chubrakov S.V. *The Criminal Punishment of Obligatory Work (Prospective Questions of Theory and Practice)*. *Cand. Diss. Thesis*. Tomsk, 2004. 13 p.
19. Frolova S.M. *The Effectiveness of Corrective Work as a Type of Criminal Punishment for Minors*. *Cand. Diss. Thesis*. Tomsk, 2013. 19 p.
20. Smirnov A.N. *The Criminal Punishment of Corrective Work*. *Cand. Diss. Thesis*. Tomsk, 2007. 25 p.
21. Repetskaya A.L. Digital Criminal Code as a Basis for Cyber-Justice. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 1, pp. 96–99. (In Russian). EDN: KSOQMS. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(1).96-99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольховик Николай Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт. Ленина, 36, lawtsuolkhovik@mail.ru.

Агабекян Алла Липаритовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт. Ленина, 36, AllaAgabekyan@yandex.ru.

Корнаков Иван Игоревич — младший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт. Ленина, 36, kornakosivan@gmail.com.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olkhovik, Nikolay V. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Head, Department of Criminal Law; Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Law Institute, Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, the Russian Federation, lawtsuolkhovik@mail.ru.

Agabekyan, Alla L. — Ass. Professor, Department of Criminal Law; Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Law Institute, Tomsk State University, Ph.D. in Law, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, the Russian Federation, AllaAgabekyan@yandex.ru.

Kornakov, Ivan I. — Junior Researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Law Institute, Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, the Russian Federation, kornakosivan@gmail.com.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.